

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Будучи американским гражданином, Чарльз Паллисер, с детства живущий в Великобритании, фактически является британским автором. Специалист по модернистской литературе, он работал преподавателем и редактором, писал для театра, радио и телевидения, пока грандиозный международный успех романа «Квинканкс», получившего к тому же премию имени Сью Кауфман, присуждаемую за дебютный роман Американской академией искусств и литературы, не позволил ему полностью посвятить себя сочинению остросюжетных романов. Одно из самых знаменитых издательств мира «Penguin Books» доверило Паллисера написать предисловие к изданию произведений Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе в своей серии «Classics».

ЧАРЛЬЗ
ПАЛЛИСЕР

Непогребенный

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П14

Charles Palliser
THE UNBURIED

© Copyright Charles Palliser, 1999. All rights reserved.

Оформление серии *В. Аникина, А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *И. Хивренко.*
Типографика *В. Аникина*

Паллисер, Чарльз.

П14 Непогребенный / Чарльз Паллисер ; [пер. с англ. Л. Ю. Бриловой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-04-089470-3

От автора знаменитого «Квинканкса» Чарльза Паллисера. Его романы буквально взорвали нишу не только исторического детектива, но исторического романа вообще. Они числятся среди лучших реконструкций атмосферы исторической эпохи и тонкой игры с каноническим литературным жанром.

Викторианская Англия. Доктор Куртин, известный историк, получает совершенно неожиданное приглашение в гости от бывшего друга, с которым не разговаривал двадцать лет. И от этого приглашения он не в силах отказаться: в том городе, Турчестере, в библиотеке готического собора может храниться документ, способный перевернуть представления о раннем Средневековье страны. Уже на месте обнаруживается, что собор хранит кровавые тайны не только IX, но и XVII века. И пока ученый пытается раскрыть преступления давно минувших дней и разобраться в непростых отношениях с бывшим другом, кровь из прошлого проливается в настоящее...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Брилова Л.Ю., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Э», 2017

ISBN 978-5-04-089470-3

*Автор выражает благодарность
следующим лицам, чьи советы помогли
данному роману появиться на свет:
Хелен Аш, Джеймсу Бакстону,
Джейн Дорнер, Мэри Дав, Роджеру Эллиотту,
Лорне Гибб, Джону Хэндзу, Тому Холланду,
Хантеру Стилу и Джанет Тодд.*

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Не многие из вышедших в недавнее время книг делались предметом столь бурных дискуссий, как «Турчестерская тайна», которая увидела свет три года назад. Бывая в гостях, я нередко являлся свидетелем ожесточенных споров между приверженцами противоположных теорий. Разумеется, меня спрашивали о моем мнении, но я неизменно отделялся общими словами. Загадка, как представлялось, была уже разрешена, однако слухи продолжали циркулировать, и ничем не подкрепленные обвинения против самых почтенных особ с каждым десятилетием делались все нелепее. Публикация книги, которую вы держите сейчас в руках, должна, впрочем, положить конец всем догадкам, так как составляющий ее основу рассказ позволяет совершенно по-новому взглянуть на открытия мисс Нейпир.

Каким образом попала ко мне рукопись Куртина, я описываю в «Послесловии», где объясняется также, почему, прежде чем вскрыть печать на документе, я вынужден был предпринять поездку в Женеву. Она состоялась, невзирая на значительные трудности, восемь месяцев назад — едва лишь положение на континенте сделало путешествия возможными. Поездка тянулась медленно и была сопряжена с неудобствами; цели я достиг только на третий день.

Взяв на станции такси, я прибыл в большой дом на берегу озера, окруженный сосновым парком, редким и мрачным; зловещее впечатление, им производимое, с каждой минутой усиливалось: небо темнело, приближалась буря. С трудом припоминая французские слова, я попросил шофера подождать.

Служанке, открывшей двери, мое имя оказалось знакомо, и все же я не был уверен, что меня впустят в дом. Несколькими днями ранее я послал из Англии письмо, в котором указал точный срок своего прибытия и выразил надежду, что хозяева не станут возражать, — однако времени для отправки ответа не оставил. Тем не менее я надеялся на лучшее, поскольку письмо составил весьма продуманно.

Служанка провела меня в холл, предложила сесть и исчезла. В доме было холодно, и я подумал, что здесь, как и в Англии, трудно с топливом. Мне пришло в голову, что как раз по этой причине в парке попадаются пни. Пока я созерцал эту картину запустения, на серое зеркало воды постепенно стали опускаться сумерки. Я ждал уже сорок минут и начал отчаиваться, но тут служанка вернулась и повела меня через дверь к величественной лестнице. Поднявшись, мы вошли в гигантский зал, в дальнем конце которого, обрамленное отдернутыми занавесками, виднелось широкое окно, а за ним — хмурое небо и темная поверхность озера. Сбоку от окна стоял большой черный рояль, крышка его была опущена. По другую сторону (мизансцена самая эффектная) на стуле с высокой спинкой восседала человеческая фигура. Я двинулся вперед, как запоздавший театральный зритель к своему месту, и тут, словно по сигналу, небо прорезала вспышка молнии.

Служанка зажгла лампу поблизости от госпожи и забрала поднос с остатками чая. Старая леди знаком

предложила мне сесть, и, пока она следила за служанкой, я смог изучить ее черты: большой нос и яркие голубые глаза на умном и недоверчивом лице. Когда служанка ушла, я начал беседу с благодарности за то, что меня, незнакомого человека, согласились принять.

Хозяйка бесцеремонно прервала меня словами:

— Мы когда-нибудь прежде встречались?

Для женщины за девяносто голос ее звучал на удивление твердо; он был также поразительно низок — чего, впрочем, я ожидал. Вопрос сбил меня с толку: я надеялся выведать желаемое с помощью уговоров и лести, теперь же приходилось изменить тактику.

— Нет, если быть точным. Но я вас видел однажды, много лет назад.

— При каких обстоятельствах?

— Это было в Турчестере.

Она пристально в меня вгляделась, но признаков беспокойства я не заметил.

— Вы ошиблись. Это исключено.

— Я видел вас в тот день, когда вы давали лучшее в жизни представление.

Она слабо улыбнулась:

— Да, я знаю этот жалкий театрик на Хай-стрит. Некогда я изучила его во всех подробностях. Но выступать там мне не довелось.

— А я и не говорю, что видел вас именно там.

Она взглянула еще внимательней:

— Вы родились, должно быть, через добрых два десятка лет после того, как я оставила сцену.

— Сцену? Да. — Заметив ее удивление, я добавил: — Когда вы узнаете, что я привез, вы все поймете.

Я произносил это, и сердце мое колотилось. Я жаждал доказательств. Мне требовалось подтверждение того, что она — та самая женщина, которую я искал. Я говорю не о юридических доказательствах:

таковые уже имелись. Ряд сделок с собственностью, переездов из страны в страну — данные за несколько десятилетий были собраны достаточно полные и достоверные. Но мне все так же мучительно хотелось знать, что это она и есть. Я надеялся услышать из ее уст слова, которые помогли бы связать женщину, сидящую передо мной, с той, которую я видел однажды и мельком, но с тех пор хранил в памяти.

Было очевидно, что мое замечание ей не понравилось, и она, словно желая приблизить конец нашей встречи, произнесла:

— В письме утверждалось, будто у вас имеется некая вещь, принадлежащая мне.

— И которую я хотел бы лично вручить законной владелице, дабы исправить давнюю несправедливость.

Она кивнула:

— Именно так вы писали. Что же это? Вы ожидаете, что я вам заплачу?

— Не деньгами. И в мои намерения не входит торговаться. Данный предмет — ваша собственность. — Я понял, что затронул главную цель своей поездки раньше, чем следовало. Чуть помедлив, я добавил: — Ваша и вашего сына.

Непроизвольно встряхнув головой, старая леди впервые устремила на меня взгляд, полный неприкрытого интереса и, как мне показалось, злобы. Но через миг она снова спряталась за маской. Я продолжал, стараясь выдерживать деловой тон:

— Чтобы вас не беспокоить, я пытался отыскать его сам. Но все мои усилия ни к чему не привели. Если бы вы указали, где он находится, я перестал бы вам докучать и уладил бы дело с вашим наследником.

— С моим наследником? — В ее тоне мне почудилась насмешка.

— Полагаю, ваш сын является вашим наследником?

— Вы можете полагать все, что вам угодно.

— Что ж, наследник он или нет, дело касается его в той же мере, что и вас. — Она молчала, и я задал жестокий вопрос, припасенный заранее: — Не скажете ли, он жив?

Я не заметил в собеседнице никаких признаков волнения. Чуть помолчав, она произнесла:

— Так нельзя ли получить ту вещь, которая, вы говорите, мне принадлежит?

Я встал, вытащил из кармана конверт и, сам не чуждый театральности, эффектным жестом протянул хозяйке.

Та схватила его и вскрыла. Принято считать, что глубокие старики постепенно удаляются от суетных интересов, волнений и алчности. Увиденное мной свидетельствовало об обратном, и, наблюдая, с каким нетерпением владелица рвет конверт, я чувствовал, что, хотя бы частично, уже достиг своей цели: мотивы поступков и движения совести стали для меня гораздо яснее, чем прежде.

— Что это такое? Что это значит?

Она пренебрежительно уронила содержимое конверта на столик, стоявший рядом.

— Это ключи к тайне, — невольно вырвалось у меня. — Не возьмете ли их?

— Никак не пойму, о чем вы?

— Вы их не узнаете?

— А почему я должна их узнать?

— Это ключи от дома в Турчестере. Хорошо вам известно. — Хозяйка обратила на меня слегка удивленный взгляд, не проявляя никаких других признаков волнения. Я попытался ее расшевелить: — Я их спас, еще немного — и они были бы навсегда потеряны. — Она все еще молчала, и я добавил: — В тот день — я разумею день, кардинальным образом перевернувший

вашу жизнь и столь же существенно сказавшийся на моей, — я следовал за вами, когда вы вышли из задней двери того самого дома. Вы меня не заметили или, быть может, сочли, что я не представляю опасности.

Я умолк, но ответа не дождался. С минуту мы оба молчали. Затем хозяйка дернула шнурок колокольчика. Тут же вошла служанка, которая, вероятно, караулила за дверью. Старая леди произнесла на хорошем французском:

— Джентльмен уходит. Проводите его.

— Ваша служанка понимает английский? — спросил я. Хозяйка ничего не отвечала, уставившись в окно. — Мне необходимо разыскать вашего сына. Как его сейчас зовут?

Она наконец обратила на меня взгляд, в котором сквозила враждебность, смешанная с равнодушием, и я понял, что на ответ рассчитывать не приходится.

Я встал.

— Ваша поездка закончилась ничем, — проговорила старая леди. — Однако не я тому виной.

— Все же она оказалась бесполезной. Кое-что прояснить для себя — вот к чему я главным образом стремился.

Она не выказала никаких признаков интереса.

— При встрече с вами, — продолжал я, — мне сделались понятнее многие загадки, которые не давали мне покоя вот уже больше четырех десятков лет.

Я направился к двери, но на самом пороге меня настиг оклик:

— Мистер Бартрам! Вы забыли ваши ключи.

Я развернулся и снова двинулся к ней.

— Я их не забыл. Уверяю, не было и дня, чтобы я о них не думал. Они ваши, и, отдавая их вам, я испытываю несказанное облегчение. — Я остановился шагах в десяти от хозяйки. — Имя Перкинс вам знакомо?

Она никак не отозвалась.

Видимо, в моем голосе появились угрожающие нотки, потому что служанка испуганно спросила:

— Не сходить ли за Пьером, мадам?

Старая леди, не сводя с меня глаз, нетерпеливым жестом приказала ей замолчать.

— Вы думаете когда-нибудь о молодом человеке по имени Эдди Перкинс? — повторил я.

К моему удивлению, хозяйка улыбнулась.

— Вы-то, судя по всему, думаете. Почему же так долго медлили? — Она кивком указала на столик. — Если бы вы вовремя воспользовались этим, даже последний тупица все бы понял. Что же вы — робели?

— Я был еще ребенком.

— А я в детстве ничего не боялась. Или, вернее, если и боялась, все равно поступала так, как мне хотелось. Ведь правда, есть разница между тем, кто в жизни разыгрывает роль по бумажке, и тем, кто импровизирует?

— Это вам неплохо удавалось.

— Просто великолепно.

— Исповедуетесь?

— Исповедуюсь? Да нет, дружок, хвастаюсь. Самые великие из актеров создают образ прямо на глазах у публики, а не просто демонстрируют заранее изготовленную куклу. Выйти на сцену и сделаться другим человеком — человеком в критических обстоятельствах; говорить и не знать, что произнесешь в следующее мгновение! Ввязаться в опасную авантюру и восторжествовать — вот самое увлекательное приключение в жизни. Неужели вам это не понятно?

— Я никогда не выступал на сцене.

— А я имею в виду не только сцену. Речь о том, чтобы оставаться живым. Иначе вы покойник, не удостоившийся похорон.

— Так вы ни о чем не жалеете?

— О том только, что пришла пора умирать.

Не было смысла снова спрашивать ее о Перкинсе, который умер оттого, что ему не хватило воображения жить иначе, нежели днем сегодняшним. Я шагнул за порог.

Моя поездка увенчалась и более конкретным результатом. Пока поезд совершал свой нынешний — и по необходимости извилистый — путь к берегу, на дорожных вывесках стали появляться знакомые названия: эти фламандские города и деревни за последние четыре года сделались для англичан зловеще привычными. В памяти всплыли скорбящие матери моих учеников, для которых у меня не нашлось слов утешения. Затем мне вспомнилось, как старая дама невольно вздрогнула при слове «сын»; я стал рисовать себе ее образ, мысленно увидел черный рояль с опущенной крышкой — и тут же понял, как мне следует поступить.

Со смертью старой леди (это произошло ровно два месяца назад) было устранено последнее препятствие, которое не позволяло мне опубликовать документ, помещенный ниже. В качестве предисловия необходимо только скопировать с конверта, где он хранился, краткое пояснение (возникло оно по причине моего собственного вмешательства, о чем я долгое время не подозревал): *«Только что я узнал, что неверно оценивал роль Ормонда: как мне теперь стало известно, он умер за много лет до событий, о которых здесь ведется речь. Тем не менее сохраняю эти записи в прежнем виде, поскольку в них содержится доподлинный отчет о том, чему я сам был свидетелем, а также выводы, сделанные мною впоследствии, — пусть и не во всем верные. Э. К.»*.

РАССКАЗ КУРТИНА

Вторник, вечер

Пока воспоминания мои свежи, спешу в точности описать то, что я видел и слышал менее недели назад, когда мне встретился человек, который расхаживал по земле, как любой из нас, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что его самым жестоким образом отправили на тот свет.

Начало моей поездки не предвещало ничего хорошего. Из-за ледяного тумана, который на два дня плотно укутал всю южную половину страны, мой поезд задержался, и я опоздал к пересадке. Чтобы достичь места назначения, пришлось еще два часа путешествовать сквозь раньше обычного наступившие сумерки. Сидя один в плохо освещенном вагоне, я смотрел не столько в книгу, которую держал в руках, сколько за окно: по мере того как сгущался туман и темнело, окружающий пейзаж становился все более непривычным и расплывчатым. Постепенно мною овладело чувство, что поезд уносит меня не вперед, а назад — из моего собственного бытия и времени в прошлое.

Внезапный толчок вернул меня к действительности: поезд начал тормозить и, дернувшись еще несколько раз, остановился среди темноты, которую едва-едва рассеивали тусклые огни вагона. Мы настолько выбились из расписания, что я понятия не имел, моя ли это станция. Приблизившись к дверям, я попытал-